

Храмы XXI

Разговор на тему номера

редактор текста
Марина Ткачева

фото
Лариса Крылова
Евгения Крайнева

В Иркутский дом архитектора на обсуждение темы современного храмостроительства были приглашены: Алексей Буйнов – главный архитектор Иркутской области; протоиерей Марк Косолапов – настоятель Александро-Невского храма, Иркутск; протоиерей Алексей Середин – настоятель Князе-Владимирского храма, Иркутск; Николай Смирнов – главный специалист департамента градостроительного проектирования ОАО «Иркутскгипродорнии», член научно-методического совета Международного Байкальского зимнего градостроительного университета; Сергей Элоян – живописец, график, заслуженный художник РФ. В разговоре принимали участие члены редколлегии: Елена Григорьева – архитектор, главный редактор ПБ; Николай Жуковский – архитектор, директор ООО «Архитектурная фирма Н. Жуковского»; Константин Лидин – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента ИрГУПС; Марина Ткачева – культуролог, философ, кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГУЭП.

Елена Григорьева Главная тема номера – храм XXI века. Со времени иркутского конкурса на храм Александра Невского проявились разные позиции по отношению к архитектуре современного храма. Тему мы заявили еще в прошлом году и, оказалось, проявили недюжинную интуицию. Спустя несколько месяцев Союз архитекторов России совместно с патриархией объявил конкурс на современный образ православного храма. Мы знаем, что проектирование православных храмов имеет свои исторические традиции. Они были прерваны в 1917 году, как и вообще традиция строительства церковей на большом пространстве СССР была трагически прервана на несколько десятилетий. Уже более 20 лет, как массовое строительство храмов возобновилось. В Иркутске, Улан-Удэ, Чите за последние 20 лет построено несколько десятков новых храмов разных конфессий. Откликается ли облик культового здания на современные тенденции архитектуры, следует ли этого ожидать? Мы нашли полярные мнения в разных источниках, в том числе и в материалах круглого стола, прошедшего недавно в Москве. Сегодня мы пригласили людей, мнение которых считаем ценным для нашего редакционного сообщества, чтобы обсудить этот вопрос.

Николай Смирнов Каковы тенденции современной архитектуры, к которым должно прислушиваться храмостроительство?

ЕГ В архитектуре выводы делаются уже после архитектурного события. Поскольку то, что сейчас происходит в архитектуре, еще не обобщено, перечислить тенденции по пунктам нельзя, аналитика последует позже. Но очевидные особенности есть. Сегодняшняя архитектура более лаконична. Можно также вспомнить о выстраданной идее эоархитектуры, к которой причисляются деревянные зда-

ния, деревянные церкви. В прошедшем конкурсе мне из 10 лауреатов одним из самых интересных представляется здание деревянной церкви. Оно лаконичное, перекликается с русскими традициями, оно очень вдохновенное. Безусловно, среди трендов надо отметить работу с рельефом, иногда создание искусственного рельефа. Кажется очевидным, что в истоках традиций строительства русских церквей – работа с ландшафтом.

Константин Лидин Может быть, к современной архитектуре можно применить слово «разнообразный»? Если даже появляющееся сегодня – цитаты из прошлого, то в сочетании они образуют некое новое качество. Наверное, это неотъемлемый признак современности. И именно этого, может быть, маловато в современной храмовой архитектуре. Большинство строящихся храмов, по крайней мере в Иркутске, выглядят именно как цитата из прошлого, более-менее грамотно согласованная с городским пейзажем. Авторы апеллируют к канону, традиции. Но традиция российской православной храмовой архитектуры в том, что она все время менялась. И эта традиция прервалась.

Николай Жуковский А вот примеры развития католических храмов налицо. Лаконизм некоторых храмов, возможно, помогает сосредоточиться на своем внутреннем переживании. Плюс пластика (как у Корбюзье), использование современных материалов. В каком-то сборнике были опубликованы дипломные работы студентов Строгановского училища 1914–1915 гг. Они шли в авангарде и представили неординарные и, надо сказать, прогрессивные проекты православных храмов. А ведь дух православия у них был еще в крови! Неудивительно, что мы начинаем ломать стереотипы только сейчас и начинаем с событий вековой давности.

НС И католики, и в еще большей мере протестанты – модернисты. Православные храмы отличает от них принципиальный консерватизм. Кажется, Бердяев писал: «Консерватизм – это не то, что мешает двигаться вперед, а то, что мешает сползть назад и вниз». Для меня пример такого интересного консерватизма – Марфо-Мариинская обитель Щусева: принципиально новое, но консервативное. Надо еще помнить, что внутренняя символика, внутренняя структура храма является канонической и пересмотру не подлежит. В моем представлении единственный путь развития храмовой архитектуры – это медленная эволюция. Есть английский термин **non accelerated development**, развитие без ускорения. По-моему, это тот путь.

ЕГ Мы знаем, что сравнительно недавно близко к историческому облику был восстановлен Храм Христа Спасителя. У него в подиуме несколько уровней, где спрятана масса новейших технологий: залы с цифровым переводом, Интернетом... Мир стремительно меняется. Как на это реагирует церковь, как учитывает, что молодая паства живет совсем иначе, чем раньше? Архитектурная форма, как правило, откликается на содержание. И если жизнь изменилась, то форма – рано или поздно – тоже откликнется. Архитектура влияет на обустройство общественного пространства: в Монреале на площадях в мощении предусмотрены розетки для подзарядки гаджетов. Но это внешние признаки, главное же – начинают формироваться новые подходы. Каким образом церковь реагирует на изменение жизни?

Отец Марк (Косолапов) Материальное, включая гаджеты и прочее, не лежит в сфере прямых интересов церкви. Это вторичное. У православных другой способ установления связи с Всевышним, чем у католиков. Поэтому и храм свой собственный, особенный. Уже князь Владимир старался, чтобы храм был монументальной проповедью, поражал воображение. Можно сказать, что главный путь развития образа храма – медленная эволюция. Но иногда происходили резкие изменения – например, нарышкинское барокко. Скорее всего, эволюция, консерватизм всегда будут.

ЕГ Процесс внесения новой формы в православной церкви шел болезненно?

ОМ(К) Бывало по-всякому. Самое главное, что храмы передавали духовный опыт, несмотря на обилие стилей,

вариантов и всего прочего. Мне кажется, что сейчас копируют старые образцы потому, что не выросли те общины приходские, которые в этих храмах будут молиться. Сменяются одно-два поколения – и все современные архитектурные, строительные и прочие наработки не пропадут, не останутся за бортом. Если все делать изначально серьезно и красиво, то храм будет отражать современные реалии, но в православном понимании.

Марина Ткачева Мы знаем, что современные микрорайоны, особенно жилые, строятся очень плотно. И найти в них место для храма чрезвычайно трудно. Не означает ли это, что храмы будут сосредоточены в старой части города, где они окажутся более соразмерны функциям и масштабу, который имеют исторические памятники? Как же приблизить проповедь и храм к месту жительства горожан?

ОМ(К) Общая тенденция – располагать храмы по микрорайонам в шаговой доступности. А как храмы вписать в тесную застройку – архитекторам и топографические карты в руки, как говорится.

НС Наши градостроительные нормативы требуют определенного внутримикрорайонного озеленения – 6 метров на человека. Озеленение жилого района – еще 6 метров на человека. Озеленение в масштабах города – еще 10 метров на человека. Тот, кто этого не исполняет – нарушитель закона. А в зеленой зоне выбрать место для небольшого храма, я думаю, не составит труда.

ЕГ Мне кажется, это очень правильный градостроительный подход. Кроме того, раньше церковь была доминантой в городе. Теперь быть доминантой среди 9–12–16-ти этажных зданий – задача неблагодарная. Более того, это одна из предпосылок к изменению архитектурных форм храма. Церковь в Финляндии, построенная в 1969 году, практически подземная; это острое решение вполне понятно.

НС Доминантой был, как правило, собор. Псковско-новгородские квартальные церкви не доминировали. Городской собор – другое дело. В традициях православия было и строительство подземных пещерных церквей, особенно на Ближнем Востоке.

КЛ У каждого времени и исторической ситуации фактически свой бог: бог слишком велик, и люди берут только фрагмент этого гигантского образа. Соответственно, этот

фрагмент меняется в разных ситуациях. А каким должен быть образ бога сейчас, чтобы привлекать людей? Ведь ждать, пока люди сами себе его придумают – можно и не дожидаться. Ежели все в буддизм уйдут, как их потом обратно выманить? Не очень понятно.

ОМ(К) Мне представляется, что очень многое зависит от деятельности церкви. Во многих городах большая часть храмов строится с расчетом, чтобы это был храмовый комплекс, где можно разместить вспомогательные службы и т.п. Но главная современная тенденция – это воскресная школа, где и взрослые, и дети общаются с Богом. 230–700 человек – нормальное количество для воскресной школы. И идея пещерного храма оказывается очень современной: в цоколе размещается вся инфраструктура. А храм пространственно может и не доминировать. Главное – он должен быть культурным центром, местом общения. Ведь оказывается, что современный человек крайне одинок, и любая возможность общения принимается с неопишимым восторгом. Кроме того, в Белгородской епархии реализованы проекты типовых сборно-разборных храмов. Когда паства духовно созреет – ставят нормальный храм, а этот разбирают и увозят дальше.

НЖ Итак, храм может приобретать любую форму, может быть даже контейнерного типа. По сути дела – это соцкультбыт. И численность мест в воскресной школе скоро надо будет рассчитывать, как в общеобразовательной школе – на 1000 жителей. Я допускаю, что над храмом будет плотный микрорайон; вполне возможно, что мы его и не отличим от жилого дома. Николай Владимирович, Вы говорите, его нельзя изменять. Но я думаю, его можно интерпретировать, вполне возможно, что это перспектива его развития.

НС Вот примеры из жизни, которые я считаю современными. В мусульманском Стамбуле храм-подворье русского монастыря Пантелеймона на Афоне размещается на 6-ом этаже жилого дома. Но внутри вы не отличите его от любого православного храма. В Гонконге нет религиозных ограничений, но земля очень дорога, и храм занимает помещение в многоэтажном доме.

ОМ(К) В нынешней России православным на такое решение согласиться будет сложно. Ведь храм всегда выделялся, было видно, что это храм. Но сейчас ситуация изменяется: требования общественного порядка (тишина, запрет на

колокольный звон и т.п.) преобладают. Тогда и реализуются описанные варианты существования в недружественной обстановке.

НЖ Здесь-то и намечается эволюция храма. Эволюция происходит там, где сложно, где абсолютно необходимы новые формы. А раз они необходимы, то и приемлемы.

КЛ А церкви, которые открываются, скажем, в аэропортах, соответствуют ли канону храма?

ОМ(К) Говоря современным языком, там достаточно обремененный функционал. Главное – чтобы человек не трясся от страха, а выплеснул свою энергию в нужном направлении.

КЛ Канон можно как-то трансформировать?

ОМ(К) Не изменяются только догматы, то, что сказано о Боге. А каноны подвержены изменению, особенно в исторической перспективе.

КЛ Что должно произойти с Русской православной церковью, чтобы действительно начался видимый глазом эволюционный процесс? Ощущение такое, что только там, где давление уже достаточно серьезное, начинает появляться что-то новое. Судя по результатам строительства, мы живем слишком хорошо, чтобы эволюционировать. Что должно случиться, чтобы церковная архитектура начала изменяться?

НС Изменения далеко не всегда видны со стороны. Еще 30 лет назад о социальной функции церкви, которую она выполняет в настоящее время, даже подумать было сложно. А сейчас это вошло в жизнь: при храме в нашем приходе действует любительский театр, каждое лето организуется детский лагерь. Эти функции не видны. А во внешних формах они выразятся, когда созреет. Церковь имеет достаточно большую гибкость, она не ригидна. Догматы – другое дело, как совершенно правильно сказал отец Марк. Канон изменяем, поскольку он служит удовлетворению потребности церкви именно как общества.

НЖ Я сейчас пришел к чему-то кощунственному: жизнь идет своим чередом и без архитектора. Если есть возможность появиться хорошему храму стать – его поставят. Храм сам найдет себе место. Город сам построится и без архитекторов.

ЕГ Не соглашусь. Город без архитекторов, церковь без архитекторов... Однако, когда смотришь современные проекты церквей, иногда создается впечатление, что,

во-первых, архитекторы мало знают; во-вторых, из-за того, что они мало знают, они мало смеют. У меня ощущение, что возможностей много, просто архитекторы робеют.

Сергей Элоян Я вообще не вижу в храмовой архитектуре никакой эволюции. Здесь нет поступательного движения, когда следующий стиль рождается из предыдущего. Барокко достигло своей вершины, сменилось классицизмом, который как бы заново начал развиваться совершенно из других корней и истоков. В каждом стиле остались непревзойденные вершины. Смена стилей рождается из каких-то внутренних потребностей, духовных ориентиров. Поступательного движения здесь в принципе быть не может. Я думаю, что сейчас именно такое время. Это новое будет опираться на нечто старое, но примет новую форму. Может быть, нашему сегодняшнему религиозному чувству больше всего соответствует именно форма пещеры и катакомб, куда можно спуститься, уйти, ощутимо разорвать визуальные связи с реальностью? Процесс созревания новой формы храма медленный. Так же примерно в храмовой живописи. Устоявшийся современный стиль ориентируется на достижения XV-XVI вв. в древнерусской живописи – вершину, к которой вроде бы и надо шагать. А не получается, потому что это – вершина, и к ней нужно пройти нелегкий путь. Надо опять искать какие-то исходные точки и не за одно поколение приходиться к новому стилю иконописи, который будет и соответствовать современным формам сознания, и отвечать художественным критериям. Понятно, что какие-то нематериальные понятия должны приобрести визуальную форму, которая переносит молящегося в духовную плоскость. Поиск современного языка иконы будет происходить, чтобы выразить религиозную идею предельно понятным образом. Главный смысл храмовой архитектуры, наверное, тот же – донести ту символическую суть, церковную Истину, которая должна выразиться через эту форму. А способов выражения, естественно, может быть много.

КЛ Правильно ли я понял, что в своей работе вы обращаетесь к тому периоду, когда реалистическая волна в искусстве себя исчерпала и художники обратились к символической форме и метафорическим идеям? Насколько это созвучно тому виртуальному миру, в который молодежь уже в значительной степени переселилась? Это ведь тоже определенный

уход от вещного, материального в мир неких символических абстрактных идей.

Отец Алексей (Середин) Вы говорите о несопоставимых вещах. Церковь – место, в котором совершается таинство, место богообщения. Главное таинство – евхаристия. Вокруг этого, по большому счету, неважно, какая будет архитектура. Это все уже имеет вторичное, третичное значение. Необходимое в богообщении – люди, община, литургия, общее дело. Это такое пространство, которое создают люди, оно наполнено божественной энергией духа, особым присутствием Божиим. Какая будет форма, в каком месте, по какой надобности – это уже второй-третий вопрос. Архитектурная эстетика может служить одним из языков расшифровки, мостиком для перехода человека от физического к духовному. Во все времена существовали разные формы выражения единой идеи спасения человека, его духовного призвания к жизни вечной. В сегодняшней практике проектирования важна не только идея участия человека в таинствах, но и гармония храма и окружающей среды, соответствия строительным и технологическим нормам и канонам. Красота – не только святость, но и правда – правда места, архитектурной идеи. Обратимся к XIX веку: исторически назрела революционная ситуация, началось брожение в обществе, власть царя зашаталась. Но вера спрямила противоречия. И как реакция здоровых сил общества – попытка вспомнить истоки крещения Руси. Как воплощается в архитектуре нашего Князе-Владимирского храма идея Москвы – третьего Рима? Берется форма базилики, сверху ставится русский модерн, закрывается куполами. Получается архитектурная форма связи византийской древней архитектуры и российской XIX века. Это язык, это та же форма. Но сущность происходящего внутри храма не изменяется уже много-много времени. Архитектура, новые материалы – всего лишь форма, обрамление, соответствующее современной обстановке. Но люди, которые живут в современном мире, каждый раз открывают для себя Христа в пространстве, где они собораны, ради совершаемых там таинств. Новое создается, но насильно его не создашь. Как священнику, мне хотелось бы, чтобы в архитектурных проектах участвовали люди воцерковленные. Тогда это будет то, что нужно, будет правдой. Если же формы будут привнесены извне – церковь с этим тоже справится.

Приспособит дома, пещеры – ведь это все вторично, по большому счету. Важна богословская мысль, которая лежит в основе. Истина – она одна, она не меняется. Каким языком ее донести – это дело выбора.

КЛ Я вижу огромное разнообразие вариантов, на которые можно опираться. Как выбирать из огромного количества форм, уже наработанных, уже проверенных, уже созданных боговдохновенными художниками? Часть из них канонизирована, и уже никаких сомнений нет в том, что это соответствует содержанию. Любую великую мысль можно сказать бесконечным числом способов. А как выбирать из этого множества? Какая из ситуаций прошлого большего всего похожа на сегодняшний день? Вот это, собственно, мы обсуждаем сейчас.

ОА(С) Рецептов, на мой взгляд, не существует. Можно поставить одну икону Спасителя и перед ней молиться. Со временем формы найдутся. Жизнь на разных этапах приносит какие-то новые функции, даже чисто технические (современное отопление, противопожарные выходы и т.п.). Сейчас даже трудно сказать, каков был по первоначальному замыслу тот или иной храмовый комплекс. С точки зрения эстетики чистота формы нарушена. А с точки зрения жизни – нормально. Приходить людям в храм это не мешает, таинства совершаются, храм функционирует. Я не стал бы уделять большое внимание архитектурной форме.

МТ У меня ощущение, что от общекультурных процессов, происходящих сегодня – обмирщение сознания воцерковленных людей, ускорение жизни, Интернет – церковь дистанцируется. И, возможно, внутренняя замкнутость церковного мира в определенном смысле людям мешает.

ОА(С) Я бы привел такую аналогию. Можно делать вино по традиционным рецептам, а можно наместить суррогатов. Так и церковь придерживается традиционного пути. Вопрос в том, что вам нужно – суррогаты или настоящее? Церковнославянский язык сохраняется в церкви. Мы сейчас лишены огромного пласта культурного, потому что все не могут на нашем историческом языке читать свою историю. От этого мы становимся более культурными и просвещенными или более бедными? Священники вполне образованные люди, цивилизованные, они все это понимают. Они ведь традицию сохраняют, принадлежащую нашему народу. Лишиться этой традиции означает народ потерять. По-другому вопрос не стоит.

НС Я хочу заострить проблему. Церковь не должна идти за обществом. Церковь должна идти только за Христом. И если общество не следует вслед за церковью и за Христом, тем хуже для общества. Когда церковь начинает идти за обществом, мы видим то, что сейчас творится в Западной Европе: процесс, уводящий от Христа.

КЛ Насколько я знаю, высший смысл молитвы – благодарность. Когда молящийся человек о чем-то просит бога – это большая ошибка с его стороны. Хотя такое понимание молитвы, к сожалению, очень распространено, особенно в среде молодежи. А каким образом приводить человека к тому, чтобы он благодарил за то, что существует, живет в этом мире? Это цель, но к ней же не одна дорога. И интерьер храма, росписи, порядок службы – все имеет одну-единственную цель: приводить человека к состоянию восторга и благодарности перед лицом бога. Все остальное уже эпифеномены. Не значит ли это, что храмы и росписи могут приобретать формы не канонизированные, не закрепленные, что они должны меняться? Люди ведь очень разные и, соответственно, разными путями приходят к этим состояниям души. Не значит ли это, что мы вообще не имеем права закреплять формы, потому что тем самым мы отбрасываем огромное количество людей, которым эта форма не подходит, которым нужен другой путь?

ОМ(К) Просьба – первый шаг, когда человек приходит от неверия к тому, что Бог есть. После этого начинают

запускаться религиозные механизмы, когда человек начинает входить в жизнь церкви, расти. А куда он растет – это уж его личные проблемы и возможности. Главное – процесс пошел. А в архитектуре изменения в ней скачками идут, эволюцию зачастую бывает трудно найти. И для русской истории много значит личность с харизмой (не обязательно архитектор), чтобы мог отстоять свою точку зрения. Так и получается следующий, очередной шаг.

КЛ Я как психолог знаю, что выбор человек может делать не больше чем из 7 объектов. Поэтому когда даже самый властный человек выбирает из 15 тысяч вариантов, это значит, что выбор просто невозможен. Может быть, задача архитектора как раз в том, чтобы выбрать этот минимум – 7 или 9?

СЭ Мне кажется, что ошибочно понимание канона как некоей преграды, охранения застывших форм. Канон про форму практически никогда ничего не говорит. Он охраняет смыслы. А в каких формах этот смысл выразить – это и есть проблема выбора или отбора. Если смыслы, которые выражаются как форма, выполняют свое назначение – это не клише. Это воплощение смысловых маяков в зримую форму.

КЛ А ваши росписи Князе-Владимирского храма к кому обращаются? Ведь вы пользуетесь языком, а ни один язык в мире не понятен всем. Вы на каком языке говорите?

ОА(С) Слово Бога понятно всем. Состояние понятно. Роспись – это состояние, это определенная среда, которая догматически выражает православное учение. Поэтому понятно, что оно воплощено в современной форме; мы же современные люди. Каждое время рождает свое восприятие. Просто потому, что мы родились в это время, мы есть сейчас, получили определенное образование, живем в определенной социальной среде. Мы говорим на одном языке, понятном большинству людей. Естественно, что всем не может нравиться одно и то же. Вы говорите про разнообразие. В церкви разнообразие представлено как нигде. В церкви больше всего либерализма, если разобраться. И для любого человека, томимого духовной жадностью, найдется понятный ему язык.

ЕГ Архитектура тоже обращена ко всем, ведь город – это общая среда. Тогда надо задуматься о роли художника, который эту общую среду создает. Но у каждого свои предпочтения, и мы всегда обращаемся к конкретному человеку и конкретному художнику.

ОА(С) Это огромная тема, которая красками не исчерпывается. Есть Евангелие. Каждый из нас его будет читать по-своему. Роспись – это Евангелие в красках. По мере того, как человек в духовную жизнь входит, развивается духовно, он может в изображении, как в евангельском тексте, видеть совершенно разные планы бытия. Есть планы физические, есть духовные, есть исторические. За любым изображением стоит духовный подтекст. И притчевость, и символика уводят человека к древнейшим библейским текстам, откровениям Божиим и пророческим. Как и символика храма, росписи и иконы – это такой же огромный внутренний пласт, достаточно сложный для восприятия.

СЭ К кому обращена икона? К прихожанам! В зависимости от того, кто на нее смотрит, она и раскрывает дополнительные смыслы. В идеале, как любое произведение искусства, она обращена к максимальному количеству людей.

КЛ Но не всем. Я так понял, что она обращена в первую очередь к людям очень образованным и культурным, которые знают, что перед картиной надо постоять некоторое время. Это далеко не все знают.

Алексей Буйнов Мы говорим о церкви, о ее месте в обществе, о языке, которым пользуется церковь. И из разговора становится ясно, что на данном временном отрезке проблема формирования и изменения современного архитектурного образа храма для православной церкви

стоит на каком-то далеко не первом и даже не на десятом месте. Увы...

Хорошо, что здесь собрались убежденные и знающие люди. Но разговор шел не совсем по теме. Теперь собственно про архитектуру. Не надо забывать, что стилистика российских храмов напрямую зависела в первую очередь от пристрастий государя императора, и только во вторую – от архитектурной моды. При этом самодержцев российских воспитывали тщательно, последовательно, комплексно, прививая им соответствующие навыки, формируя багаж знаний и пристрастия. И об этих пристрастиях мы судим сейчас все-таки, как это ни парадоксально, по лучшим образцам их знаменитых создателей-зодчих. Но однажды мне попались гравюры конца XVIII – начала XIX вв. с видами провинциальных российских городков, где присутствовали изображения храмов в стилистике провинциального барокко. И я, наверное, первый раз поймал себя на крамольной мысли, что некоторые храмы вообще не стоило бы сохранять, такая это была ярмарка безвкусыя. Да и сейчас далеко не от каждого храма ощущение, что это шедевр. Но мы, как правило, судим о стиле и эпохе по шедеврам.

Теперь о современности. Я все-таки обращусь к практике проектирования католических храмов. Там все постоянно, очень смело экспериментируют, делают это, можно сказать, отважно. И опять о лучших образцах: всем известен Ле Корбюзье и его капелла в Роншане. Сам он – неверующий, невоцерковленный человек. Но создал шедевр, уникальную работу: ни до, ни после в его проектах ничего похожего не было. Постройка действительно гениальна, она очень красива, она словно вырастает из окружающей природной среды, органично сплетаясь с ней в единый ансамбль. Архитектор Ричард Мейер – человек, далекий от религиозности, лет 15 назад создал храм. Это в хорошем смысле чистый, светлый, добрый образ.

Может ли быть таким православный храм? Если архитектурная функция не так уж привязана к сложившемуся видению – тогда да, почему бы и нет? Новые тенденции в архитектуре оказываются зачастую гораздо более жизнеспособными, чем мы думаем. Аристотеля Фиорованти, которого в свое время тщательно выбирали, привезли в

Россию и заставили посмотреть лучшие образцы, прежде чем проектировать храмы. Что у него получалось? Посмотрите внимательно на Успенский собор Московского Кремля – классическая итальянская архитектура адаптированная к функции – и соотношения, и пропорции, и лекала... И еще вопрос: почему, собственно, только храма? В огромном количестве случаев он является, хоть и доминирующей, но частью целого комплекса. В Иркутской области сейчас проектируются два таких объекта. Интересно, что получится у архитекторов с православной гимназией для мальчиков возле Князе-Владимирской церкви и на родине Святителя Иннокентия Вениаминова в Анге...

Теперь о профессии архитектора сегодня. Грустно, но у нас сегодня она деградирует, во многом «благодаря» принятию Болонской хартии и соответствующего обучения. Есть у нас проблемы с качеством системы высшего образования. Соответственно – есть проблемы и с архитектурной практикой. Не самые лучшие тенденции мы наблюдаем в настоящее время.

И в этой ситуации православная церковь – та скала, которая держит удар на протяжении многих веков, сплачивая людей. Я думаю, что когда появится гениальный зодчий, который сделает нечто выдающееся, православная церковь это событие примет: выдающиеся, в хорошем смысле слова яркие символы ей свойственны, это бесспорно. Тем более, что это будет одним из высших проявлений души и веры. А вера – это единственное, на чем все держится.

Никто не говорит о том, что консерватизм – синоним отсутствия развития. Это развитие, еще какое развитие. Но, видимо, нужно время для роста, а пока вариации на тему храма – это, к сожалению, от незрелости, бедности и, увы, низкого уровня внутренней культуры. Кстати, настоящий профессионализм бездуховным быть никак не может!

Отец Алексий говорил о чувстве голода, которое знакомо всем. Я подумал, что чувство духовного голода тоже всем знакомо, но, мне кажется, не все умеют им руководствоваться. Надо научить людей извлекать уроки из духовного голода.